

Евгений Юрьевич, пишут сейчас многие, в том числе актеры. В большинстве случаев технология проста: они наговаривают на диктофон, а все остальное – дело рук и профессионализма редактора. Раскройте свой секрет: как пишете вы?

– Писательство для меня – это акт независимости и свободы, когда ты один на один с листом бумаги. Ты не зависишь ни от режиссера, ни от партнера по сцене – только от самого себя и собственного настроения.

– Вы не пользуетесь даже пишущей машинкой, не говоря уж о компьютере?

– Только ручка и бумага.

– Ну а заниматься этим профессионально – ни дня без строчки – могли бы?

– Скажу так – хотелось бы. Но у меня нет вот этого самого маховика – желания писать постоянно. Мне не хватает графоманства. Такого, как, например, у моего старшего друга, драматурга Леонида Зорина, в пьесах которого я играл и ставил их как режиссер. Он говорит о себе: «Я – графоман». В том смысле, что в нем есть вот этот мотор, когда хочешь не хочешь, а сядешь с утра и пишешь. Я же пишу время от времени. Я сам ищу какие-то обстоятельства, которые меня дисциплинируют для этого. У меня импульсивный характер, импульсивный темперамент.

– Вас можно было бы назвать дремлющим вулканом. Это сравнение приходит в голову, если вспомнить некоторые ваши роли. Например, в спектакле «Двенадцатая ночь», который, к сожалению, вы уже не играете.

– Да, создано более 100 ролей в театре и кино. Настал период, когда их количество перерастает в качество. Предпочитаю нынче неспешность: вживаться в образ, вынашивать, оттачивать его, открывая при этом что-то новое и в себе самом.

– Наверное, в таком открытии себя помогает и писательство? О чем ваша последняя книга?

– Дело в том, что я представляю себе свою жизнь так. Моя бытовая жизнь, моя личная жизнь, моя экранная, сценическая жизнь, режиссерская жизнь... Это все – единый жизненный процесс, проявление одного и того же человека в разных ипостасях, и неизвестно, какая из них более подлинная в определенный момент. Самое интересное, что это до конца не ясно и мне самому.

– Вы хорошо об этом пишете в своей первой книге «Не я», вспоминая эпизод с пробами на «Мосфильме», когда вас утвердили на одну из главных ролей в картине «Я шагаю по Москве»...

– Замечательная женщина, ассистент режиссера Лика Авербах, сказала тогда: «Запомни этот день, отныне ты никогда не будешь самим собой». Она, конечно, в чем-то была права. Мне сейчас 60, а тогда было 17. Так что 43 года я живу публичной жизнью, которая налагает определенные обязательства. Тем не менее я всегда стремлюсь к себе, хотя познать себя невозможно.

– Как вы думаете, чем объяснить популярность и долголетие фильма «Я шагаю по Москве»?

– Предугадать, кто или что войдет в историю, невозможно. Скажем, когда снимался этот фильм, мы даже не думали, что он станет классикой отечественного кино. А по сути, это была одна из первых импрессионистских отечественных картин. В ней нет политики, нет так называемого социума. Поэтому она и спустя десятилетия смотрится с интересом.

– Вы там сыграли свою самую первую главную роль...

– Это мой звездный билет, потому что я попал не просто в кино. Я попал в мир Геннадия Шпаликова, Георгия Даниеля, выдающегося оператора Вадима Юсова, в мир музыки Андрея Петрова. Кстати, песню сначала в картине пел я, а Никита Михалков подпевал. Однако в окончательном варианте все же остался Никита.

– Это как-то повлияло на ваши отношения тогда?

– Что вы! Дружба, зародившаяся в юности, продолжается и поныне. Вот и юбилей наши с разницей в полтора месяца отмечаем вместе. Правда, видимся редко. Просто каждый идет своей дорогой. И вот что удивительно: однажды я совершенно случайно узнал, что наши предки тоже знали друг друга. Мой дед, статский советник, дворянин, жил в Рыбинске. И вот – уже, разумеется, в наши дни – я поехал туда на творческий вечер. В Рыбинске мне показали гимназию, где преподавал мой дед,

Евгений СТЕБЛОВ:

ЛЮДИ ПАДАЮТ В ПРОПАСТЬ, НО ТЯНУТСЯ К ХОРОШЕМУ

Так определяет содержание своих книг народный артист России Евгений Стеблов. Третье издание одной из них – «Против кого дружите» – появилось на прилавках магазинов в канун юбилея автора. 8 декабря ему исполняется 60 лет. Писательство, похоже, второе призвание Стеблова. Его напророчил много лет назад Юрий Трифонов, прочитав самую первую повесть, опубликованную в журнале «Октябрь». «Есть у вас что-то космическое», – сказал он тогда. На актерство же благословила Евгения Юрьевича знаменитая Цецилия Мансурова. И здесь он тоже не обманул надежд великой актрисы. Высокие звания, десятки великолепно сыгранных ролей в театре и в кино, любовь зрителей и уважение коллег – чего еще можно желать артисту? Но есть еще театральный режиссер Евгений Стеблов, а еще – и педагог, руководитель курса в Российской академии театрального искусства... Что думает сам юбиляр обо всем этом? О своих призваниях, пристрастиях, жизни?

и место, где раньше была его квартира. А когда мы пришли в краеведческий музей, то случайно выяснилось, что Сергей Владимирович Михалков – двоюродный дедушка Андрона Кончаловского и Никиты Михалкова, был там предводителем дворянства, а мой прадед Павел Павлович Стеблов был депутатом городской Думы. То, что фамилии эти в те времена пересекались, мне показалось удивительным совпадением.

– Значит, вы, как говорят, дворянских кровей?

– Я, в общем-то, не большой любитель копаться в своих корнях, хотя как-то я посетил Дворянское собрание, куда меня приглашали. Но, по-моему, сегодня все это отдает тусовкой. К тому же я человек не тусовочный. Люблю уединение, покой. В деревне Славково, под Истрой, была у меня дача. Рядом – двухэтажный особняк «нового русского». Часто его принимали за мою собственность. Вот там и сибаритствовал почти по-помещичьи. Либо писал, либо на велосипеде катался, либо на диване лежал, что предпочтительнее всего остального.

Вы знаете, очень многие во всех бедах винят лень. Я же ее прославляю. Как только покончу с делами, тотчас же стремлюсь к инструменту – к дивану. Диван дает передышку, отстранение от дел. Ведь очень важно, на мой взгляд, помечтать, подумать, полежаться. Потом встал с дивана – и, как говорится, с богом!

– За лопату и грабли?

– Садово-огородным хозяйством занималась жена, «силовые» акции осуществлял в основном сын, тоже человек творческий. Выпускник Щукинского театрального училища, как и я, снимал-

ся в кино, потом окончил высшие режиссерские курсы, написал пьесу, которую я поставил в театре «Вернисаж», в ней же оба мы играли. Сейчас ждет, ищет деньги, чтобы снимать кино.

– Деньги, деньги... Деньги сейчас решают все.

– Да, к сожалению, это так. Я никогда не был богатым, но и не нищенствовал. Всегда было ровно столько, сколько нужно для более или менее сносной жизни. Но все же у всех нас смехотворно малые зарплаты. У врачей, учителей, народных артистов. Курьер или уборщица в иной фирме получают гораздо больше. Поэтому жизнь артиста связана с дополнительными заработками, а они совершенно не планируются.

– Антреприза для вас что – дополнительный заработок или творчество, или эксперимент?

– Это один из способов театрального производства. Она может быть бездарной, халтурной, а может быть выдающейся. В конце концов, МХАТ начался с антрепризы! У меня тоже были антрепризные спектакли, и сейчас они есть. Просто я не беру их много. Как правило, это один или два спектакля.

– Помните поставленную Михаилом Козаковым «Возможная встреча», где вы играли Баха, а он Генделя.

– На самом деле в жизни они никогда не встречались. Потому такое название. Главное же не в самой встрече как таковой. Была она или нет – не столь важно. То, о чем говорили, о чем думали герои спектакля, и сейчас актуально: искусство и бог, взаимоотношения с властью имущими, правда и обман – вечные темы на все времена... Потом был снят телевизионный фильм по этому спектаклю, назывался он «Ужин

в четыре руки». За него мы получили «Тэффи». Теперь уже спектакль не играем. Кстати сказать, я никогда не беру никакие работы только из-за денег. Потому что, как правило, если иду на что-то ради них, не получается ничего в итоге – ни дела толкового, ни заработка. Когда же мой выбор продиктован творческими соображениями, то и деньги приходят как-то сами собой, и творческое удовлетворение присутствует.

Сейчас играю комедию положений, такую развлекаловку. «Мой большой кенгуру» называется. Спектакль по пьесе французских драматургов Брикера и Ласега. Это все же «развлекаловка» высокого художественного и исполнительского уровня.

– Но, раз уж вы обмолвились о жанре такого рода, давайте поговорим об этом более подробно. Не кажется ли вам, что наша массовая культура сегодня – это, с одной стороны, «страшилки», а с другой – сплошная «развлекаловка» довольно низкого пошиба? Что вы думаете об этом в частности и о судьбе отечественной культуры в целом?

– К сожалению, происходит то, что случается всегда на каком-то историческом сломе общества – деградация культуры. Люди падают в пропасть, потому что социальные требования как бы исчезают, никто ничего не требует, а не у всех достаточно воли, чтобы тянуться к культуре, добру, красоте. Многие попадают под искушения самые разные. Когда я играл Алешу Карамазова и больше был погружен в Достоевского, запомнил такое выражение, что в человеке бог с чертом борется, а поле битвы – сердца людей. Вот это и происходит сейчас. А потому за-

дача деятелей культуры сегодня – подавать своей жизнью иной пример, напоминая о том, что в жизни существуют добро и красота. Вот в этом я вижу свою задачу. Если зрителю нравятся то, что ты делаешь, а ты действуешь в рамках тех понятий, о которых я говорю, то он сам должен к этому прийти.

Сейчас самое страшное – то, что происходит с русским языком. Он попросту опохаблен. По телевидению многие, даже известные люди говорят на каком-то блатном наречии. Я уж не говорю о политиках. Радио, телеведущие некоторых программ говорят таким языком. Стало, например, расхожим выражение «по жизни». «Я по жизни блондин», – могут так сказать. Или вчера смотрю телевизор – там политический обозреватель говорит: «фотка». А надо бы – фотография. Люди, не замечая, начинают коверкать слова. Это чудовищно! Как только пропадет язык, народа не будет! У нас очень большой удельный вес блатной культуры. Меня в свое время удивляла радиопередача «В нашу гавань заходили корабли». Там были и нормальные, приятные песни, но зачем было воспевать блатную романтику? Я не против нее, но на пьедестал зачем возносить? Она должна оставаться на том месте, которое занимала всегда.

– Как противостоять всему этому?

– Надо говорить об этом. Нужно, чтобы люди, облеченные авторитетом, об этом говорили. Падение культуры – тонкая и незаметная вещь. Есть такое понятие: эстетические категории недоказуемы. Мол, на вкус и цвет товарища нет. Вот, к примеру, представители масс-культуры говорят: «Я в этом ничего плохого не вижу». А нужно предлагать образцы культуры иной, подлинной. Мне кажется, нужно не просто говорить, что это пошло, – например, выступления некоторых наших юмористов по телевизору. Нужно объяснять, почему это пошло. Мотивировать. Люди от природы тянутся к хорошему. Я сейчас играю классику в основном и чувствую, что в зале сидят зрители, которые не читали ни Чехова, ни Достоевского. Или прочли когда-то и забыли. И они с благодарностью воспринимают все это. А масс-культура, которую транслирует сегодня телевидение... В других странах похожие проблемы, но там есть хоть какая-то цензура.

Детство я провел в коммунальной квартире, и когда соседи собирались на кухне, мама гнала меня оттуда, чтобы я не слушал разные сплетни. Это была своего рода цензура. Вот и сейчас многие телепрограммы напоминают коммунальную кухню, только прогнать с нее некому. В иных передачах кричат, перебивают друг друга – не поймешь, что говорят. Я с продюсером одним за кулисами об этом заговорил, а он отвечает: «Ну что вы, это ведь живое!» Между тем диалог – это искусство.

– Евгений Юрьевич, если бы не чувство юмора, присущее, пожалуй, каждому нормальному человеку, от всего того, с чем мы сталкиваемся в сегодняшней жизни, можно просто сойти с ума. Ваш юмор пробивается даже там, где вы пишете о вещах совсем не смешных. Например, когда вы рассказываете о пребывании в чешском госпитале, куда попали после автострафы в 1976 году под Прагой...

– Чувство юмора выручает всех. А еще ирония, самоирония. Нельзя слишком серьезно относиться к себе. Отсутствие этого качества всегда удивляло меня, например, в Андрее Тарковском. Я никогда не был его поклонником, потому что он очень серьезно о себе говорил, очень серьезно к себе относился. В отличие, скажем, от Феллини, у которого с чувством юмора было все в порядке и с самоиронией тоже. А сегодня молодой актер что-нибудь мало-мальски приличное сделал – и уже звезда. А в эстраде ну просто звездпад какой-то! И все спешат на площадь звезд – озвездиться. Такая новая традиция у нас появилась. Не своя, конечно. А чем мы хуже? Вот поэтому я и пишу об актерах и людях настоящих: о Юрии Богатыреве, Леониде Маркове, Любови Орловой, Ростиславе Плятте, Фаине Раневской и многих других. Чтобы помнили.

– А чем была для вас работа, дружба с этими великими мастерами? Везение, счастьем, удачей?

– Везение, удача... Слова какие-то не те. Это же не игра в рулетку, где вдруг случайно повезло. Для меня это было чем-то более значительным и важным. Высокой честью, пожалуй.

Таисия ПОПОВА